

П Р И Б А В Л Е Н І Я
К Ъ

ЦЕРКОВНЫМЪ

XXIV г. изд.

ВѢДОМОСТЯМЪ,

№ 13

ИЗДАВАЕМЫМЪ ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СѢНОДѢ.

26 марта

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

1911 года.

С Л О В О

высокопреосвященнаго Іакова, архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго ¹⁾).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вступая въ здѣшній разсадникъ высшаго духовнаго просвѣщенія, въ здѣшнюю духовную академію, я переживаю весьма сложныя чувства, испытываю разнообразныя душевныя состоянія. Съ одной стороны наличная дѣйствительность ярко указываетъ мнѣ на опредѣленный составъ лицъ, трудящихся здѣсь при теперешнихъ условіяхъ академической жизни, настойчиво обращаетъ мое вниманіе на начальствующихъ, учащихся и учащихся здѣсь при нынѣ дѣйствующемъ академическомъ уставѣ, къ которымъ я, въ силу своего новаго положенія, долженъ стать въ опредѣленные отношенія и для того высказать свой взглядъ на предстоящую намъ нашу общую дѣятельность. Съ другой стороны, по неотразимой ассоціаціи представленій, особенно послѣ задуманной рѣчи преосвященнаго

ректора здѣшней академіи о воспитавшей меня, равно какъ и его, Московской духовной академіи, мои думы невольно влекутся въ далекое, далекое прошлое, несутся къ другой такой же академіи, гдѣ жили и дѣйствовали другія лица и при другихъ условіяхъ. Тогда были иныя теченія и въ церковной жизни, и въ государственной, и въ общественной и въ научно-литературной. И я не скрою отъ васъ, что думы о когда-то бывшемъ, воспоминанія о томъ, какъ и я когда-то былъ тоже студентомъ академіи, какъ слушалъ тамъ, въ Московской академіи, увлекательныя лекціи знаменитыхъ въ то время профессоровъ, а по окончаніи курса академическаго ученія и служилъ тамъ немного, — эти думы, эти воспоминанія сильнѣе овладѣваютъ моею душою, властнѣе воздѣйствуютъ на ея настроеніе. Большая часть всего прошлаго, конечно, рисуется въ далекой перспективѣ какъ бы въ туманѣ. Но многое стоитъ предъ мысленнымъ моимъ взоромъ, какъ живая дѣй-

¹⁾ Произнесено при первомъ посѣщеніи Казанской духовной академіи.

ствительность, и мѣшаетъ мнѣ сосредоточить свое вниманіе на какомъ-либо предметѣ, требуемомъ настоящимъ моимъ положеніемъ, настоящей минутой и присутствующими здѣсь лицами. При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, всего лучше сдѣлать сопоставленіе стараго, когда-то бывшаго, съ новымъ, теперешнимъ, и произвести сравнительную оцѣнку того и другого. Но я боюсь взяться за это; такъ какъ не увѣренъ, что не допущу ошибки по недостаточной освѣдомленности съ новыми порядками академической жизни и по естественному въ моемъ возрастѣ пристрастію къ прежде бывшему, къ тому, съ чѣмъ когда-то лично сроднился, съ чѣмъ когда-то крѣпко-на-крѣпко сжился. Чтобы облегчить себя, чтобы удобнѣе выйти изъ затрудненія, я остановлю и свое и ваше вниманіе на томъ, что въ равной мѣрѣ присуще и старой и новой академіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь духовныя академіи и прежде были и теперь остаются высшими церковными училищами, приводящими къ *духовной мудрости*. Сюда, въ этотъ рассадникъ просвѣщенія, стекаются юноши, томимые жаждою духовной мудрости; здѣсь живутъ и трудятся люди духовной науки, руководящіе молодежь къ приобрѣтенію этой самой духовной мудрости. Имѣя предъ собою такой сонмъ искателей духовной мудрости и руководителей къ надежнѣйшему достиженію ея, о чемъ же я долженъ всего лучше и говорить здѣсь въ настоящія минуты, какъ не о духовной мудрости и ея свойствахъ?

Не думайте, впрочемъ, что я беру на себя смѣлость сказать вамъ что-либо новое, невѣдомое или малоизвѣстное. Нѣтъ. Но и среди извѣстнаго, вѣдь, есть же предметы, о которыхъ и хочется и требуется говорить какъ можно чаще, чтобы и самому себѣ снова и снова приводить ихъ на память и тѣмъ оживлять ихъ въ своемъ сознаніи, и другимъ напоминать о нихъ и такимъ образомъ сильнѣе и сильнѣе вѣдрять ихъ въ ихъ душу.

А съ другой стороны уповаемъ, что на-

ше слово, какъ слово архипастырское, не можетъ быть приравнваемо къ обыкновенному житейскому людскому слову. Если мы сами по себѣ и немощны, и слабы и неискусны, то дарованіе Божіе, живущее въ насъ, дѣлаетъ насъ «довольными» къ тому, что предприимлемъ. Благодатію Божіею есмь, еже есмь. Да и говорить предъ здѣшнимъ ученымъ собраніемъ я намѣренъ не отъ себя, а отъ Писанія.

Въ основу своей рѣчи о духовной мудрости и ея свойствахъ я полагаю слова святаго апостола Іакова, брата Божія. Онъ различаетъ двоякую мудрость: съ одной стороны земную, душевную, бѣсовскую; съ другой стороны духовную, сходящую свыше (Іак. 3, 15—17). Духовная мудрость (въ противоположность душевной), *мудрость, сходящая свыше* (въ противоположность земной), по слову апостола, *во-первыхъ чиста, потомъ мирна, скромна, послушлива, полна милосердія и добрыхъ плодовъ, безпристрастна и нелицемѣрна* (Іак. 3, 17).

Впередѣ всѣхъ свойствъ духовной мудрости апостолъ Іаковъ поставляетъ *чистоту* ея, при чемъ не только ставитъ это свойство, по особой его важности, на первое мѣсто, но и нарочито отдѣляетъ его отъ прочихъ свойствъ, какъ главнѣйшее, существеннѣйшее, основное. Духовная мудрость *во-первыхъ чиста*. Чиста она и по своему источнику, какъ свыше сходящая, чиста и по своему содержанію, чиста и по своей цѣли, чиста и по своимъ проявленіямъ въ жизни.

Что можетъ быть чище и свѣтлѣе Божественнаго откровенія? А духовная мудрость источникомъ своимъ имѣетъ именно Божественное откровеніе, дарованное намъ въ священномъ Писаніи и въ священномъ Преданіи; въ основу своихъ изысканій она кладетъ не свои собственныя произвольныя измышленія, а главнымъ образомъ то, что открыто намъ свыше Духомъ Святымъ въ словѣ Божіемъ; отсюда беретъ она коренныя начала для построенія своего міровоззрѣнія. Она избѣгаетъ сомнительныхъ,

а тѣмъ болѣе мутныхъ и грязныхъ источниковъ вѣдѣнія, земныхъ, бѣсовскихъ.

Оттого - то и по содержанію своему духовная мудрость бываетъ чистою. Въ ученіи духовной мудрости нѣтъ мѣста увлеченіямъ, ошибкамъ, односторонностямъ и крайностямъ. Какъ ни увлекательны, какъ ни обольстительны новыя построенія системъ богословскаго вѣдѣнія у нынѣшнихъ рационалистовъ и модернистовъ всякаго вида и рода, они не будутъ восприняты духовною мудростію. При свѣтѣ Божественнаго откровенія, на основаніи слова Божія, духовная мудрость и сама приѣмлетъ и другимъ предлагаетъ одну истину, одну правду.

Чиста духовная мудрость и по цѣлямъ своимъ. Она стремится къ постиженію и усвоенію истины, добра и красоты, ради нихъ самихъ, чтобы утолять свою духовную жажду, чтобы удовлетворить свою духовную потребность. Ее не прельщаютъ вѣншія блага. Ни богатство, ни чувственная удовольствія жизни, ни житейская честь, ни земная слава не занимаютъ ее. За этимъ гоняется, этого ищетъ мудрость душевная, земная, но не духовная.

Чиста духовная мудрость и со стороны своихъ проявленій въ жизни. Она непременно осуществляется въ *добромъ поведеніи* (Іак. 3, 13). Ничто нравственно - предосудительное, зазорное, порочное не мирится съ нею, не допускается ею. *Все худое* — это область земной мудрости (ст. 16). Напротивъ, проявленіемъ духовной мудрости служить лишь только доброе, честное, справедливое, прекрасное, достославное.

Потомъ, по слову апостола, духовная мудрость *мирна*. Земная, душевная мудрость не выноситъ успѣха другихъ; она завистлива, а потому склонна и къ сварливости. А гдѣ зависть и сварливость, тамъ неустройство и все худое (ст. 16). Не такова мудрость духовная. Она не только не завидуетъ другимъ, не возбуждаетъ ссоры, а, напротивъ, сорадуется всякому доброму преуспѣванію, и чужому столько же, сколь-

ко и своему собственному; она пребываетъ въ добромъ согласіи со всѣми, никого не раздражаетъ и ничѣмъ не раздражается, но ведетъ себя съ *благоразумною кротостію* (ст. 13).

Кромѣ того, духовная мудрость и *скромна*. Земная, душевная мудрость склонна преувеличивать свои достоинства и заслуги, расположена даже усвоить себѣ способности и преимущества, въ дѣйствительности не существующія; въ преувеличенномъ или даже и ложномъ сознаніи своихъ дарованій, въ жалкомъ самомнѣніи она стремится учительствовать среди другихъ, не имѣя къ тому ни призванія, ни дарованія, ни подготовки (Іак. 3, 1—13). Духовная мудрость чужда пустого самомнѣнія; она склонна умалять свои силы и свои достоинства; во всякомъ случаѣ, отнюдь не расположена выставлять ихъ на показъ и превозноситься ими предъ другими.

Далѣе, духовная мудрость *послушлива*. Это вполне естественно при мирности и скромности ея. Кто миренъ, тотъ безъ крайней нужды не станетъ перечить и равному себѣ, тѣмъ болѣе высшимъ; кто скроменъ, тотъ охотно признаетъ въ другихъ присутія имъ преимущества власти. Только земная мудрость въ ошибочномъ самомнѣніи кичится, превозносится и непокорствуетъ. А духовная мудрость всегда признаетъ значеніе установленнаго начальства, доброхотно, сознательно подчиняется ему, полагая въ этомъ и свой долгъ и свое благо.

Сверхъ того, духовная мудрость, по слову апостола, *полна милосердія и добрыхъ плодовъ*. Здѣсь мы уже прямо вступаемъ въ область чисто-практической жизни. И прежде указанныя свойства мудрости, не оставя умозрительной ея природы, соприкасались съ дѣятельною стороною ея проявленій. А только что отмѣченное ея свойство всецѣло относится къ нравственной жизни, со всею очевидностію устанавливая тотъ фактъ, что истинная мудрость не есть только просто отвлеченное знаніе, хотя бы и высшаго порядка, но вмѣстѣ и дѣло; короче

говоря, это—самая разумная жизнь. Сторонники новаго академическаго устава справедливо могутъ ставить въ число его достоинство то, что онъ ближе подходитъ къ идеалу духовной мудрости, когда задачей академическаго образованія поставляетъ не обученіе наукамъ собственно, а, во главѣ всего, воспитаніе обучающихся. Привить къ чуткой, молодой душѣ, вкоренить въ ней крѣпко-на-крѣпко такую мудрость, которая бы дѣлала и способнымъ и расположеннымъ и всегда готовымъ избыточествовать милосердіемъ и добрыми плодами,—что можетъ быть лучше и желательнѣе этого?

Затѣмъ духовная мудрость *безпристрастна*. Земная, душевная мудрость, при наклонности къ зависти, при расположенности къ сварливости и раздорамъ, какъ обураваемая страстями, по тому самому и не можетъ быть безпристрастною. Напротивъ, духовную мудрость, при ея мирности и скромности, нельзя и представить себѣ *пристрастною*, *несправедливою*; она каждому воздастъ свое, между прочимъ, и въ исполненіи дѣлъ милосердія и всякаго иного добра.

Наконецъ, духовная мудрость *нелицемерна*. Мудрость душевная, земная, при своей завистливости, сварливости и другихъ неблаговидныхъ качествахъ, вынуждена бываетъ принимать такую или иную личину для сокрытія своего непривлекательнаго, отталкивающаго характера, казаться не тѣмъ, чѣмъ бываетъ на самомъ дѣлѣ,—словомъ, по-неволѣ должна *лицемѣрить*. Не такова духовная мудрость; она, напротивъ, при своей чистотѣ, не имѣетъ и поводовъ прикрываться, да по существу своему и не можетъ являть себя не тѣмъ, что она есть. Ей совѣмъ несвойственно раздвоеніе и лицедѣйство: она *нелицемерна*.

Таковы свойства истинной духовной мудрости, по слову св. апостола Іакова, мудрости, сходящей свыше, мудрости, которой стремятся отдать и дѣйствительно отдаютъ всѣ свои силы здѣшніе труженики духовной науки, мудрости, которой желаютъ здѣсь

пріобщиться молодые люди, ищущіе высшаго духовнаго воспитанія и образованія.

Эти указанная св. апостоломъ Іаковомъ черты духовной мудрости отвѣчаютъ ли личнымъ симпатіямъ каждаго изъ насъ? Въ прежнее былое время едва ли и можно было ставить такой вопросъ. Всѣмъ укладомъ жизни, всѣмъ господствовавшимъ среди духовенства міровоззрѣніемъ и настроеніемъ давался лишь положительный отвѣтъ на это, такъ что нечего было и спрашивать. Теперь совѣмъ иное дѣло. Послѣ всего того, чему мы были свидѣтелями въ послѣдніе годы, позволительно, а при извѣстныхъ условіяхъ, быть можетъ, и нужно поставить этотъ вопросъ. Какой же на него будетъ отвѣтъ? Предоставимъ совѣсти каждаго опросить свое внутреннее сознание, провѣрить свое духовное настроеніе въ тайникахъ своего сердца. Мы же лично съ своей стороны питаемъ живую увѣренность въ томъ, что молодые люди, съ разныхъ сторонъ сюда собравшіеся подъ давленіемъ жажды духовнаго просвѣщенія, беззаботно и спокойно пребывающіе подъ гостепримнымъ кровомъ здѣшняго славнаго разсадника высшаго духовнаго образованія и трудящіеся здѣсь надъ своимъ воспитаніемъ въ духѣ православной Церкви для пріобрѣтенія духовной мудрости, дѣйствительно всею душой раздѣляютъ тѣ воззрѣнія, какія указываетъ св. апостолъ Іаковъ, раздѣляя ихъ, тѣмъ съ болѣшимъ усердіемъ, тѣмъ съ болѣшею готовностію отдаются и будутъ отдаваться великому дѣлу успѣшнаго пріобрѣтенія и прочнаго усвоенія той свыше сходящей духовной мудрости, какую изображаетъ св. апостолъ Іаковъ, съ увлеченіемъ, съ юношескимъ пыломъ будутъ отдаваться этому серьезному дѣлу, съ тѣмъ, чтобы вполнѣ достойно и плодотворно послужить православной Церкви на томъ поприщѣ, какое кому укажетъ Господь. Призываю Воже благословеніе на добрый трудъ и благоу дѣятельность всѣхъ здѣсь подвизающихся.

